

Митина Наталья Георгиевна

УТОПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕРАЦИИ РУССКОЙ УТОПИИ

Статья раскрывает содержание и различие подходов к понятию "утопия". Основное внимание уделено раскрытию специфических черт, присущих русской утопии и механизмам регенерации утопии в России. Кроме особенностей русской философии, в статье выделен и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 135-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

31. **Соколов А. К.** Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 265-287.
32. **Стайтс Р.** Женское освободительное движение в России: Феминизм. Нигилизм и большевизм, 1860-1930 / пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой; науч. ред. Б. Н. Миронов, О. В. Шнырова, И. И. Юкина. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
33. **Сытник И. Г.** Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918-1930 гг. [Электронный ресурс]: дисс. ... к.и.н. Оренбург, 2006. 194 с. URL: <http://diss.rsl.ru/diss.aspx?orig=/07/0089/070089016.pdf> (дата обращения: 13.09.2009).
34. **Тарасюк А. Я.** Социальная политика советского государства и жизнь женщины 1918-1929 гг. (на материалах Зауралья): автореф. дисс. ... к.и.н. Тюмень, 2004. 22 с.
35. **Токмачева А. Ю.** Организационно-правовые основы борьбы с проституцией в годы НЭПа (1921-1928 гг.): автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2006. 25 с.
36. **Токмачева А. Ю.** Проституция в России в 20-30-е годы XX века и на современном этапе // Гражданин и право. 2007. № 7. С. 57-58.
37. **Хмелевская Ю. Ю.** «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921-1923) // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / редкол. И. В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 553-576.
38. **Царевская Т. В.** Преступление и наказание: парадоксы 20-х гг. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль: материалы конференции 14-15 ноября 1995 г. / отв. ред. П. В. Волобуев. М.: ИРИ, 1997. С. 194-219.
39. **Чирков П. М.** Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 255 с.
40. **Энгельштейн Л.** Ключи от счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX веков / пер. с англ. В. Павлова. М.: ТЕРРА, 1996. 572 с.
41. **Юнусова А. Б.** Из истории борьбы с проституцией // Археография Южного Урала. Уфа, 2002. С. 200-202.

**NATIVE HISTORIOGRAPHY OF THE END OF THE 1970S - 2010S:
ABOUT THE SECOND STAGE OF STRUGGLE WITH PROSTITUTION IN THE USSR**

Mariya P'inchna Miroshnichenko, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of History
South-Ural State University
mimi74@yandex.ru*

In the article the accumulation of historical knowledge about prostitution state and struggle with it in 1923-1935 in the USSR, particularly in Ural, in the literature of the end of the 1970s - the first decade of the XXIst century is analyzed; the directions and range of problems of regional researches are characterized.

Key words and phrases: women; prostitution; struggle with prostitution; historiography.

УДК 167.5(470+571)

Статья раскрывает содержание и различие подходов к понятию «утопия». Основное внимание уделено раскрытию специфических черт, присущих русской утопии и механизмам регенерации утопии в России. Кроме особенностей русской философии, в статье выделен и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии.

Ключевые слова и фразы: утопия; идея спасения; идеал; проект; соборность; свобода духа; эсхатологизм; вера в чудо.

Наталья Георгиевна Митина, к. филос. н., доцент
*Кафедра философии и истории
Тихоокеанский государственный экономический университет
nataliamitina@rambler.ru*

УТОПИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. МЕХАНИЗМЫ ГЕНЕРАЦИИ РУССКОЙ УТОПИИ©

Понятие «утопия» появилось в философии в 1516 г. благодаря Томасу Мору. Традиционно она рассматривалась как некое «место, которого нет». Современный исследователь В. Шестаков считает необходимым остановиться на четырёх вариантах происхождения термина «утопия». Первое - это греческое «у» - нет и «топос» - место, т.е. место, которого нет. Другое истолкование - от греческого «ев» - совершенный, лучший и «топос» - место, т.е. совершенное место. Следующая модификация - это «дистопия», от греческого «дис» - плохой и «топос» - место, т.е. плохое место, противостоящее утопии. И еще один термин «ентопия» - от греческого «ен» - здесь, «топос» - место, т.е. противоположно утопии, место, которое здесь [30, с. 245-246].

В научной литературе существуют различные классификации утопий [2; 30]. Однако такое дробление представляется излишним и надуманным, так как не отражает значения утопии в истории человечества. Данная точка зрения поддерживается и исследователем утопий А. Свентоховским. Он считает необходимым обратиться к понятию «утопия» в его самом полном объеме и дает следующее определение: «будем под утопией разуметь всевозможные уموпостроения улучшенных форм человеческого общежития в будущем» [19, с. 8-9].

Каждый из исследователей предлагает свое определение утопии. Например, Е. Шацкий в качестве основополагающей черты утопии определяет образ мышления, определенное отношение к миру. И, опираясь на данную черту, он приходит к выводу, что утопии представляют собой «особый случай идеологии» [30, с. 21-46]. У А. Фогта утопия - это «идеальные изображения других миров, существование и возможности которых нельзя доказать научно, и в которые можно только верить» [25, с. 1]. Главным принципом утопической веры является возможность немедленного изменения общественных отношений. По мнению А. Фогта, «изучение утопий является, в сущности, изучением человеческих мировоззрений» [Там же, с. 7-8]. Социальные утопии особенно отчетливо могут указать цели и способы изучения различных мирозерцаний, а главным вопросом всякого мировоззрения является будущее человека и человечества в целом. Именно на этот вопрос и пытаются ответить утопии.

Мыслитель считает необходимым провести параллель между утопизмом и религиозным мирозерцанием, выделив ряд общих черт между ними: стремление возвыситься над мелкими невзгодами повседневной жизни, идеализм, стремление к земному счастью, общему благу, всечеловеческой любви и самопожертвованию. Фогт разделяет утопии на две категории: архические (архисты - приверженцы принципа власти и принуждения, от греческого *archein* - господствовать) и анархические (анархисты - приверженцы уничтожения государства и всякого принуждения, от греческого *anarchein* - отрицание господства) [Там же, с. 17-22]. Хотя он и подчеркивает, что в чистом виде они не встречаются, тем не менее, считает необходимым выделить эти две категории. Кроме того, Фогт выделяет еще сатирическую утопию как особую литературную форму, но она не относится к теме нашего исследования.

Другой исследователь утопии Б. Ф. Егоров определяет ее как мечту об идеальной жизни, желаемое устройство общества или личности в свете представлений об идеалах [9, с. 3-6]. По мнению В. Хорос, утопист в своем мышлении и деятельности опирается на субъективные факторы, на личность, способную внести творческое начало в ход истории, на культ организации, которая призвана компенсировать узость революционных рядов. Его определение утопии - социальный проект идеального будущего, резко отличающийся от наличной реальности и противопоставленный ей [27, с. 242-243]. Многие исследователи указывают на религиозный характер утопии, подчеркивая ее связь с учением Христа, с одной стороны, и отмечая в ней элементы веры, с другой [9, с. 3; 19, с. 31; 25, с. 17].

Интересной и заслуживающей внимания представляется характеристика утопий современных западных исследователей М. Абенсур и Р. Нозик. Мигель Абенсур считает, что «утопию необходимо переосмыслить как практику специфического вмешательства в социальную сферу, как, возможно, совершенно новую практику преобразования мира». Утопия позволит избежать крайности, она дает возможность бесконечного чередования революционности и разочарования. Абенсур делает ряд выводов относительно утопии: 1. Через всю историю проходит одна идея утопии - вечная утопия. 2. Во всех разнообразных утопиях присутствует один и тот же текст. 3. Вечная утопия неизменно тоталитарна, так как является творением математиков, геометров общественного порядка, а не поэтов [1, с. 249-251]. Зло утопии заключается в ее бегстве от условий существования, отрицании истории.

Р. Нозик рассматривает понятие «утопия» как рамку для утопий, место, где люди вольны добровольно объединяться, чтобы попытаться реализовать собственный идеал хорошей жизни в идеальном сообществе, где, однако, никто не может навязать другим собственные представления об утопии. По его мнению, утопия - это «метаутопия: это среда, в которой можно проводить утопические эксперименты; среда, в которой люди вольны жить по своему разумению; это среда, которая должна быть в значительной степени создана заранее, чтобы появилась возможность для стабильной реализации более конкретных утопических проектов» [17, с. 381-382]. Конкретная утопия - это утопия без насилия и господства.

Нозик выделяет три вида утопизма: империалистический - санкционирует принуждение каждого индивида к одной модели сообщества; миссионерский - убеждает, но не принуждает каждого индивида жить в одной определенной модели сообщества; экзистенциальный - надеется, что некая конкретная модель сообщества будет существовать, не обязательно повсеместно, желающие смогут жить в соответствии с ней [Там же, с. 390-391]. Универсальное понятие рамки, введенное мыслителем, по сравнению с другими описаниями утопии, считает он, имеет ряд преимуществ: является приемлемой почти для любого утописта и совместима с реализацией почти всех конкретных утопических замыслов, хотя и не гарантирует их реализации. Рамка существует для того, чтобы могли возникать и воплощаться проекты идеального или хорошего общества, она позволит получить наилучший из всех возможных миров [Там же, с. 405].

Все это еще раз подчеркивает многообразие значений утопии и позволяет выявить ее главную функцию - обозначение желаемого будущего, описание вымышленной страны. Несмотря на некоторое различие во взглядах исследователей на утопию, можно отметить, что, в общем, они имеют точки соприкосновения. Все они определяют главную особенность утопии - ее социальный характер. Отсюда вытекает и цель утопического сознания: продемонстрировать те качества социального бытия, которые нельзя увидеть в процессе эволюции существующей действительности.

Исследование утопических проектов позволяет выделить ряд положений, на которых строится утопия. А. Свентоховский в «Истории утопии» определяет следующие пункты и соответственно институты, которые должны быть преобразованы в новом обществе - собственность (равенство в распределении), власть (политическое устройство), школа (общественное воспитание-образование), семья (взаимоотношение полов (брак)), церковь (отделение церкви от государства и перенесение религии в сферу личных убеждений) [19, с. 402-413].

Е. Л. Черткова выделяет ряд признаков утопии, разделив их на две группы: опознавательные и типические. В числе опознавательных признаков - критика существующего общества и утверждение образца желаемого совершенного общественного устройства, опора на некоторый идеал. Среди типических характеристик - проективность, нормативность, априоризм и антиисторизм [28, с. 157-158]. Они не исчерпывают всю специфику утопии, но определяют ее как особый тип отношения к миру и выявляют меру воздействия утопии на понимание исторического процесса и место в нем человека.

Характерным признаком утопического сознания, отмечаемым многими исследователями, является его трансцендентность, понимаемая как выход за пределы реальности. «Трансцендентность утопии, - подчеркивает Черткова, - более радикальна - это выход за пределы не только действительного, но и возможного, если его рассматривать как развитие действительного» [Там же, с. 162-163].

Необходимо выделить еще одну важную черту утопий - символизм. Утопический мир - это знаковая реальность, где знак выступает как символ. Е. Черткова также отмечает ее в своем исследовании [Там же, с. 169]. В русской утопии данная черта проявляется особенно ярко, что мы видим из анализа утопических, и, особенно, антиутопических проектов.

В чем заключается сущность утопического сознания? Важным элементом утопического сознания выступает понятие «идеал», которое является его ориентиром и отличительной чертой. Утопия создает идеальный образ. Как идеал общественных отношений, утопия, подчеркивает А. Свентоховский, представляет наиболее всеобщий элемент в духовном мире [19, с. 5]. Задача философии - разработать общественный идеал, способный в дальнейшем стать основой социального устройства. По мнению П. И. Новгородцева, общественный идеал можно определить как принцип свободного универсализма: «Здесь нет картины законченного счастья, нет осуществленной гармонии душ, но зато даны вечные предсказания, намечающие путь для бесконечных стремлений. Это - идеал не только демократический, но и вселенский, идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства» [15, с. 131]. Утопическое сознание, таким образом, направлено на формирование идеала совершенного общественного устройства.

Ориентация на идеал составляет отличительную черту утопии. Идеалы всегда конкретно-историчны и культурно обусловлены. В. А. Лекторский выделяет принципиальное отличие идеала от утопии: идеал выступает в качестве регулятивного принципа и одновременно как критерий оценки человеческих поступков, но не может выступать реальной целью, понимаемой как конечный результат данной деятельности. В то время как в утопии идеал превращается в практическую цель и становится проектом, утопия-проект представляет собой, таким образом, инженерный подход к действительности [10, с. 6].

Как продукт общечеловеческой культуры, идеал рассматривается и в исследовании А. А. Новикова. Он считает утопию иррациональной модификацией идеала. Но обращает внимание на то, что сущностные характеристики идеала требуют философского осмысления и являются одной из вечных тем в философии [16, с. 135-143]. Если для Лекторского и Чертковой идеал, превращенный в утопию-проект, неминуемо становится идолом, требующим жертвоприношений, то, по мнению Новикова, можно избежать появления идолов, если сохранить ценностную составляющую идеала [10, с. 6; 16, с. 155; 28, с. 178]. Вращение идеала вокруг «эмпирической оси» человеческого бытия, сохраняя оптимальную дистанцию, не даст ему превратиться ни в идола, ни в утопию и позволит сохранить ценностный статус идеала. Следовательно, процесс преобразования идеала в утопию и, главное, результат этого преобразования всецело зависит от самого человека и ценностных установок социума.

Определение идеала как цели и руководства к действию характерно для всех исследователей. Н. С. Мудрагей образно определяет идеал как строительные леса, с помощью которых человек строит свою жизнь, следовательно, идеал составляет основу мировоззрения человека [14, с. 120-135]. Более того, необходимо отметить, что идеал является стимулом и условием бесконечного развития. Практическое значение идеала состоит в том, чтобы понять, что абсолютное в нем должно расцениваться не в качестве цели, а исключительно в качестве мотива, считает А. А. Новиков [16, с. 144-145]. Однако, по мнению Е. Л. Чертковой, в утопии идеал представляет именно конечную практическую цель в развитии общества, что превращает его в проект. Она подчеркивает: «Утверждение возможности идеала как факта эмпирической действительности составляет суть утопизма» [28, с. 175-177]. При данном подходе выявляется крайний максимализм и активизм утопизма, проявляющийся в его безграничной вере в возможность преобразования мира.

Понятие «утопия» развивалось и значительно видоизменилось. Как отмечает М. В. Шугуров: «Утопия - универсальная реакция на мир, в котором истинность неясна, и где дисгармония прочно и плотно скрывает в себе гармонию» [33, с. 164]. К XX веку сложилось разделение понятий «утопия-идеал» и «утопия-проект» [21, с. 179-185]. На этот факт в свое время указывал В. И. Ленин, который разделял мысль Ф. Энгельса о том, что социалисты-утописты «гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно» [11, с. 26].

Возможность реализации утопий отмечал Н. Бердяев: «...Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления... Утопии осуществимы, они осуществимее того, что представлялось «реальной политикой», и что было лишь рационалистическим расчетом кабинетных людей. Жизнь движется к утопиям» [3, с. 6]. Таким образом, мы можем сказать о необходимости изменения отношения к утопии.

Утопия задает идеал, который становится целью, а идеал воплощается в проект - «подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного - как на уровне институтов, так и человеческих отношений - совершеннее, чем то общество, в котором живет автор» [23, с. 8]. Утопия-идеал переходит в утопию-проект и, благодаря уверенности во всемогуществе человека и его безграничных возможностях, имеет потенциал для дальнейшего воплощения в действительность.

Подобным образом утопию рассматривает в теории «идеальных типов» М. Вебер: «Возможного нельзя было бы достичь, - пишет он, - если бы люди не стремились к невозможному». «Идеальный тип» является утопией, но берется он из действительности путем ее некоторой деформации. С этой позиции утопия - это средство познания исторической действительности, мысленно конструируемая модель объекта. Утопия позволяет при сопоставлении с реальностью выявить степень отклонения действительного от должного и причины, обуславливающие эти отклонения в реальной жизни. Как отмечает Вебер, такой метод может быть необходимым для определения ценности явления [6, с. 388-398]. Данный подход позволяет предвидеть направление развития социума и возможные последствия реализации утопии-проекта.

В чем же заключаются механизмы генерации русской утопии? Как подчеркивает Э. Я. Баталов: «В России утопия всегда чувствовала себя как дома. Русская народная социальная утопия с ее идеалом Правды, уходящая корнями в культуру Древней Руси, оказывала неизменное воздействие на формирование национального утопического сознания и массовых движений протеста, включая все три русские революции» [2, с. 105]. На готовность России к созданию и реализации утопических проектов указывал Г. П. Федотов: «...Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [24, с. 1]. Следовательно, их надо искать в особенностях формирования российской цивилизации, наложившей отпечаток на складывание психологии, культуры русского народа. Многие философы отмечают, что утопичность свойственна русской ментальности. Например, Н. О. Лосский в своем исследовании «Характер русского народа» отмечает такие черты как религиозность и связанное с ней искание абсолютно добра, свобода духа, отсутствие организованности, формы, стремление к социальной справедливости [13, с. 240]. На отсутствие формы указывает и другой русский философ Н. Бердяев: «Русский человек - во власти своей природы, во власти своей земли, во власти стихии. Это означает, что в строении души русского человека форма не овладевает содержанием, душевно-телесной стихией не овладевает дух» [4, с. 52-53]. Другими важнейшими чертами русского народа являются коллективизм, общинность и соборность. Это подчеркивает и С. Франк: «В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «МЫ», или «МЫ-философию». Для нее последнее основание жизни духа и его сущности образуется «МЫ», а не «Я» [26, с. 4].

По мнению А. Д. Синявского (А. Терца), причины данных особенностей заключаются в пришедшей из Византии восточной ветви христианства - православии, наложившем отпечаток на развитие русской цивилизации. Эта особенность заключается в усилении третьей ипостаси Божественной Троицы - Святого Духа [22, с. 48-49]. Религия Святого Духа приводит к природной бесформенности, аморфности, к приоритету духа над формой. На влияние Византии указывает и Г. Померанц, отмечая переплетение в русском наследии цивилизационных начал Византии, Татарии и Запада. «Создать из всего этого устойчивую форму непросто. Отсюда превосходство бродящего духа над формой - в том числе формами общежития - и постоянная угроза хаоса» [18, с. 3-4]. В этих особенностях заключается и причина иррациональности мышления, подчинение сердцу, а не разуму.

Н. Бердяев, рассматривая особенности русского национального типа, определяет антиномии в русском характере: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт [5, с. 2]. Все эти черты подтверждают выводы о существовании в недрах российской цивилизации предпосылок формирования утопического сознания.

Ряд современных исследователей утопии также останавливаются на истоках утопизма. К примеру, Б. Ф. Егоров определяет истоки социального утопизма в двух совсем различных ментальностях, укорененных в русском национальном характере. Одной из них является отвращение к рабочему процессу, лень, воровство и обман, сформировавшиеся на протяжении долгих веков рабства и истолкование, на этом фоне, христианской морали как враждебной по отношению к физической работе. Об этом свидетельствуют фольклорные произведения - сказки, былины, пословицы, поговорки. Русский человек, независимый от его социального положения, надеется на чудо, на получение каких-то благ без усилий, труда, с помощью сказочных персонажей или божественных сил, либо используя хитрость и обман. Исключения составляют былинны эпосы о русских богатырях, которые честно использовали свою силу для защиты Родины.

С другой стороны, отмечает Егоров, в относительно свободных группах (северные поморы, старообрядцы, казаки), суровые условия воспитывали культ труда, формировали трудовую мораль, имеющую много общего с идеалами протестантизма. Однако все эти различия имели одну основу - мораль, которая требовала честности и справедливости. Отсюда и появлялись утопические мечты о рае, который должен был стать наградой праведникам [9, с. 15-19]. По мнению ученого, рай - это самая древняя утопия, а ад, соответственно, самая древняя антиутопия во всей мировой культуре. Именно поискирая, который может стать наградой за праведную жизнь уже на земле, заложили установку на формирование утопий.

В. П. Шестаков считает, что важный аспект русского национального самосознания составляет антиномия эсхатологизма и утопизма. С одной стороны, эсхатологическая вера в достижение лучшей жизни и мессианскую предопределенность России в мировой истории, а с другой, тенденция к социальному утопизму, созданию зримого образа желаемого (или нежелаемого - в антиутопиях) будущего [32, с. 5].

Таким образом, можно выделить черты, которые способствовали генерации утопии в России. Основными из них являются: религиозность, эсхатологизм, мессианство, свобода духа, отсутствие формы, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо.

Утопические идеи буквально пронизывают русскую философию. В чем же заключаются ее особенности? Например, В. П. Шестаков указывает, что русская утопия не всегда являлась самостоятельным произведением, а растворялась в литературных произведениях других жанров. Данная особенность, а также отсутствие к ней внимания со стороны исследователей, по его мнению, стали причиной ее неизвестности в мире [32, с. 39]. Образный, художественный характер утопии объясняется особенностью русской философии в целом. Многие исследователи отмечают, что русская философия тяготеет к живому, образному слову, публицистичности, что приводит ее к тесному переплетению с художественной литературой. Русская философия идет через развитие всей русской культуры, а философские идеи воплощаются через образы литературы, архитектуры, изобразительного искусства [7, с. 5].

Традиционным повествовательным приемом в русской утопической литературе становится сон, что объясняется подцензурным характером литературы, так как утопические произведения, рисующие будущее, касались острых социальных проблем и были опасной формой литературы. Кроме того, в России, по сравнению с Западом, более остро чувствовался разрыв между идеалом и действительностью. В. П. Шестаков подчеркивает: «То, что европейскому философу и сочинителю ... казалось возможным уже в процессе ближайшего созидания ..., для русского утописта представляло пронзительной мечтой, осуществимой лишь в очень далеком будущем» [32, с. 40-41].

Любая утопия в какой-то степени религиозна, так как пытается воплотить веру в осуществимость идеального общества. Но русская утопия религиозна в своей основе. Е. Л. Черткова выделяет следующие черты русского утопизма: религиозный имманентизм, «теургическое беспокойство», мессианизм, идея спасения. Однако, как подчеркивает исследовательница: «Религиозные по своему источнику и характеру идеи преобразуются в структуре утопического сознания в нечто всецело «от мира сего», обнаруживая тем самым его псевдорелигиозный характер» [28, с. 181-185]. Еще одним важным аспектом русской утопии является ее нравственная сущность. Здесь также необходимо отметить, что данная черта отличает русскую философию от западной, имеющей рациональный характер. Это черта коренится в особенностях русского самосознания, как уже подчеркивалось ранее, в приоритете духа над формой. Утопия, таким образом, выражает христианский идеал Царства Божьего, но как земного, создаваемого людьми без Бога, где реализуется ответственность человека за историю, вера в свою провиденциальную миссию указать людям путь правильного жизнеустройства, спасти человечество.

Утопии трансформируются в зависимости от духа эпохи и одновременно содержат традиции культуры и общую концептуальную основу. Переосмысление утопических проектов, предпринятое в конце XX века с помощью метода деконструкции, используемого в постмодернистской философии, позволило определить новые ценности утопии - умение обратить внимание на существование разных способов решения проблем, на необходимость осмыслить и пересмотреть существующие нормы и ценности. Эта особенность утопии дает возможность найти новые подходы и, таким образом, изменить устои общества, составить философский прогноз его дальнейшего развития. И. И. Евлампиев отмечает данную особенность как характерную черту русской утопии, связанную с дуальным восприятием мира: «Здесь создается идеал, который осознается как совершенно необходимый для человека в истории и в то же время как недоступный нам в реальном историческом времени». Но при этом, «...принципиальное разнообразие культурных типов не должно считаться препятствием к возможности реализации общечеловеческого прогресса, более того, именно многообразие направлений продвижения к идеалу является условием этого прогресса». В отличие от западных утопий этот идеал не может быть столь же «конкретным», он носит духовный, а не сугубо материальный характер. «По-настоящему действенный и плодотворный идеал, способный придать новый импульс развитию общества, должен не превозносить и «консервировать» материальную приземленность и бездуховность современной цивилизации, а ставить задачу бесконечного духовного совершенствования человека» [8, с. 82-83].

На еще одну особенность русской утопии указывает В. А. Суковатая: «Русская утопия, по сравнению с западной, не выливалась в единую и целостную литературу или философию, и выполняла не столько прогностические функции, как на Западе, а, скорее, идеализирующе-шифровательные... Иначе говоря, изображая в качестве «внешнего плана» утопии некие «желаемые отношения», автор, на самом деле, в качестве ее внутреннего плана делал акцент на фигурах иного порядка, тех отношениях, которые мыслились как социально-неприемлемые, тормозящие социальный и политический прогресс, развитие нравственности и демократии» [20, с. 3]. Отсюда и интерес утопии к гендерным отношениям, которые находились за рамками тем, допущенных к публичному обсуждению.

Кроме особенностей русской философии, исследователи утопии выделяют и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии: осмысление социального идеала, критика существующего общества, попытка предвосхищения образов желаемого будущего, идея необходимости абсолютного преобразования действительности. Она не избежала смешения идеала и факта, в ней произошло отождествление исторического порядка с мистическим порядком Царства Божия. Сравнение позволяет выделить и специфику: если для западной утопии преобладающей темой является поиск путей рационального переустройства общества, устроения жизни в соответствии с принципами разума, то для русской утопии цель заключается в преобразовании общества в соответствии с законами социальной правды, заключающейся в единстве истины и справедливости. Развитие западной утопии шло от религии через рационалистическую философию к утопии, с опорой на науку. Русская утопия также шла от религиозного источника, но совершила круг от православия через идеи Просвещения и рационализма (пришедшие с Запада) к религиозной философии, которая позднее дала ей серьезную критику, отмечает Е. Л. Черткова [28, с. 180].

Таким образом, нет оснований делать вывод о незрелости русской утопии. Проведенный анализ позволяет говорить о более позднем развитии (расцвет русской утопии приходится на вторую половину XIX - начало XX века), но не отставании ее от западных утопических концепций. В. П. Шестаков подчеркивает, что русский утопический роман «был на уровне мировой утопической литературы, а в жанре негативной утопии русские писатели оказывались и намного впереди» [31, с. 248]. Он отмечает высокое художественное достоинство русской утопии, ее оригинальность и значительное расширение диапазона представлений о будущем: «Это стремление к созданию образа будущего, предвидение его в образе утопии - одна из характерных особенностей русской литературы» [32, с. 65].

Изучение утопических идеалов позволяет социальной философии заняться поиском новых подходов в решении проблемы взаимоотношения общества и природы, определить причины дискриминации, подвергнуть критике патриархатную идеологию, господствующую в современном обществе. Как отмечает Джудит Лорбер: «Попытки описать бесполое общества или общества, основанные на совершенно иных гендерных моделях, ... в социальной теории ... обсуждались редко. И хотя подобные «мыслительные эксперименты» могут считаться лишь развлечением, они в состоянии поставить под сомнение подспудную посылку многих современных течений социологической теории и научных исследований, состоящую в том, что пол как социальная конструкция (*gender*) и пол как биологическая категория (*sex*) взаимозаменяемы, и что эти переменные составляют дихотомическое единство» [12, с. 134].

Общественные идеалы и социальные утопии по своей природе историчны, в них диалектически сочетаются изменчивое и устойчивое, специфическое и универсальное. В свою очередь, антиутопии, демонстрируя тревогу за судьбу личности в «массовом обществе», позволяют спрогнозировать возможные последствия реализованной утопии. Н. Бердяев предупреждал: «Всякая попытка создания рая на земле есть попытка создания ада». Как отмечает Е. Черткова: «Само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, ведущего к нему, может сыграть роль противоядия от другой грозящей нам беды - интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры» [29, с. 81].

В чем причина живучести утопии? Потребность в утопии объясняется природой самого человека. В человеке изначально заложены такие качества как стремление к идеалу, потребность в создании образа будущего, мечта о совершенном обществе. Благодаря утопиям общество может совершенствоваться, избегая социальных катаклизмов. Утопия дает возможность открыть новое горизонтальное пространство для социальных экспериментов. Об утопии можно говорить как о вполне научном явлении, если рассматривать будущее человечества как процесс не революции, а эволюции. На социальные корни утопии указывает большинство ее исследователей, подчеркивая при этом ее значение и роль в истории человечества [1; 2; 19; 28; 30; 31]. Как подчеркивает В. Шестаков, никакое развитие теории «не может само по себе устранить социальные потребности в утопии, а эта потребность в виде таких социальных механизмов как надежда, мечта, предвидение будущего все еще остается актуальной и для современной мысли» [31, с. 247]. Современное развитие общества и технологий не всегда позволяет использовать понятие «утопии» тождественно заоблачной мечте, так как границы между реальностью и утопией очень размыты.

Список литературы

1. Абенсур М. Утопия // 50/50: опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 249-257.
2. Баталов Э. Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
3. Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия [Электронный ресурс] // Новое средневековье. Берлин, 1924. С. 121-122. URL: <http://www.popal.ru/printout13.html> (дата обращения: 17.02.06).
4. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn008.htm> (дата обращения: 08.01.11).
5. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm> (дата обращения: 08.01.11).
6. Вебер М. «Объективности» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 345-415.
7. Евлампиев И. И. История русской философии: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2002. 584 с.

8. **Евлампиев И. И.** «Конец истории» и многообразие культурно-исторических форм (западная и русская утопия) // *Философский век: альманах* / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. С. 79-83.
9. **Егоров Б. Ф.** Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. 416 с.
10. **Лекторский В. А.** Вступительная статья // *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М.: РОСПЭН, 1996. С. 3-11.
11. **Ленин В. И.** Что делать? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1962-1981. Т. 6. С. 1-192.
12. **Лорбер Дж.** Пол как социальная категория // *THESIS*. 1994. Вып. 6. С. 127-136.
13. **Лосский Н. О.** Характер русского народа // *Условия абсолютного добра: основы этики*. М.: Политиздат, 1991. С. 238-360.
14. **Мудрагей Н. С.** Идеал - проблема выбора // *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М.: РОСПЭН, 1996. С. 115-135.
15. **Новгородцев П. И.** Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
16. **Новиков А. А.** О парадоксах идеала // *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М.: РОСПЭН, 1996. С. 136-155.
17. **Нозик Р.** Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова и А. Кураева. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
18. **Померанц Г.** Разрушительные тенденции в русской культуре [Электронный ресурс] // *Новый Мир*. 1995. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/njvei_mi/1995/8/pomeran.html (дата обращения: 08.10.10).
19. **Свентоховский А.** История утопии. М.: Издание В. М. Саблина, 1910. 428 с.
20. **Суковатая В. А.** Утопические мотивы в философии всеединства Владимира Соловьёва // *Россия и Вселенская Церковь: В. С. Соловьёв и проблема религиозного и культурного единения человечества* / под ред. В. Поруса. М., 2004.
21. **Теория и жизненный мир человека** / отв. ред. д.ф.н. В. Г. Федотова. М.: Институт философии РАН, 1995. 206 с.
22. **Терц А. (Синявский А. Д.)** Голос из хора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litru.ru/?book=42578&description=1> (дата обращения: 18.09.10).
23. **Утопия и утопическое мышление:** антология зарубежн. лит., пер. с разн. яз. / под ред. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. 405 с.
24. **Федотов Г. П.** Будет ли существовать Россия? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html> (дата обращения: 18.10.10).
25. **Фогт А.** Социальные утопии / пер. с нем. Н. Стороженко. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Ком Книга, 2007. 192 с.
26. **Франк С. Л.** Сущность и ведущие мотивы русской философии [Электронный ресурс]. URL: <http://az-libr.ru/Persons/0B5/84e77bbb/0001/Frank.shtml> (дата обращения: 08.01.11).
27. **Хорос В.** Утопия // *50/50: опыт словаря нового мышления* / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 242-244.
28. **Черткова Е. Л.** Специфика утопического сознания и проблема идеала // *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. М.: РОСПЭН, 1996. С. 156-187.
29. **Черткова Е.** Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 71-81.
30. **Шацкий Е.** Утопии // *Утопия и традиция* / пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
31. **Шестаков В.** Утопия // *50/50: опыт словаря нового мышления* / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 244-248.
32. **Шестаков В. П.** Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 208 с.
33. **Шугуров М. В.** Утопия, или странствие в смысловых далях сознания // *Философский век: альманах* / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. С. 158-169.

UTOPIAN DISCOURSE: RUSSIAN UTOPIA GENERATION MECHANISMS

Natal'ya Georgievna Mitina, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

*Department of Philosophy and History
Pacific State Economic University
nataliamitina@rambler.ru*

The article reveals the content and difference of the approaches to the notion "utopia". Special attention is paid to the revelation of the specific features characteristic of Russian utopia and the mechanisms of utopia regeneration in Russia. Besides Russian philosophy peculiarities the article covers some features uniting Western and Russian utopias.

Key words and phrases: utopia; salvation idea; ideal; project; conciliarism; spirit freedom; eschatologism; belief in miracle.